

Эдуард Лимонов

Смрт

«Центрполиграф»
2016

УДК 82-5
ББК 85.374

Лимонов Э. В.

Э. В. Лимонов — «Центрполиграф», 2016

ISBN 978-5-227-06565-0

Период распада Югославии – это очень важный и трагический момент в истории современной Европы. Но как мало существует или переведено на наш язык произведений, рассказывающих об этих событиях! Прочитав эту книгу, можно составить довольно полное представление о событиях, произошедших совсем недавно, но уже многими забытых. Это интересно. Это стоит прочитать. Это просто события, рассказанные Э. Лимоновым правильно.

УДК 82-5
ББК 85.374

ISBN 978-5-227-06565-0

© Лимонов Э. В., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Вместо предисловия	6
«Голуби» и «ястребы»	12
Stranger in the night	19
Атака	24
Пленный	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Эдуард Лимонов

Смрт

© Лимонов Э., 2016

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Вместо предисловия

Если бы я писал киносценарий, то 90-е годы выглядели бы так.

Сцена первая

В самолете. Эдуард Лимонов летит в Белград, куда он приглашен сербским издателем на презентацию своей книги на сербохорватском языке. 1991 год, ноябрь. Авиарейс Париж – Белград. В салоне самолета Air France сидит еще не седой Лимонов и налегает на вино. На откидном столике – масса пустых бутылочек. Вокруг бродят большие сербы. Шелестят газетами. На полотнищах газет то и дело видно короткое бритвенно острое слово СМРТ, то есть «смерть». Сербская смерть быстрее русской, она как свист турецкого ятагана.

Сцена вторая

Презентация книги Лимонова в большом книжном магазине в Белграде. Дружелюбная толпа почитателей. Красивые крупные сербские женщины среднего возраста. По виду богатые. К русскому писателю подходят несколько мужчин в военной форме. Министры правительства республики Славония и Западный Срем.

– Мы читаем ваши статьи в газете «Борба». Они вдохновляют нас. Что вы знаете о нашей республике?

– Ничего не знаю, – отвечает писатель.

– Вуковар на нашей земле, – поясняет один из министров.

– О! – О Вуковаре писатель знает. Об этом городе тогда писали газеты всего мира. Сербский анклав на территории Республики Хорватия осажден сербами. Идет кровопролитная битва за Вуковар.

– Хотите приехать на нашу войну? О нас пишут всякие ужасы западные газеты. Вы свой, вы поймете, что мы защищаем и отвоевываем землю наших предков.

– Да, я хочу, – соглашается писатель. И получает неожиданно прямое предложение:

– Тогда утром мы заедем за вами. Вы в каком отеле остановились?

Лимонов называет отель и номер комнаты.

– В четыре утра, – говорят министры. И уходят.

Сцена третья

Ночь. В отеле. Лимонов одевается. У него озабоченный вид. Его так быстро втянули в историю, а у него были другие планы. На войну он хочет, но вот так сразу... Он волнуется. В свои сорок с лишним лет он никогда не был на войне. Он надевает свой немецкий морской бушлат с металлическими пуговицами и садится на постель. Ждет. Встает, ходит, смотрит на часы. Ложится на постель прямо в обуви. Ждет. Через некоторое время раздается сильный стук в дверь. Писатель вскакивает, открывает дверь. За дверью два огромных серба в военной форме. Улыбаются. Готов ли товарищ Лимонов? Готов. Выходят.

Сцена четвертая

Автомобиль пожирает километры по практически пустой дороге. Один из военных за рулем, другой серб с карабином между ног на переднем сиденье. Писатель на заднем сиде-

ные. Рядом с ним фотограф-венгр. Светает. Видны дорожные указатели. Надписи: «Шид – 100 км, Загреб – ...» Сколько километров, писатель не успевает прочесть. Машина останавливается у КПП. Писатель видит мешки с песком. Военная полиция проверяет пропуск на автомобиль и пассажиров... «Дозвола». Всё в порядке. Автомобиль утягивает километры под колеса. Начинает идти снег, несмотря на то что это Балканы, где-то рядом Греция. Вдруг вдоль дороги видно марширующее воинское подразделение в горчичного цвета шинелях. Замерзшие лица солдат. Еще одно подразделение – эти в оливкового цвета форме, без шинелей. Наконец автомобиль с писателем пристраивается в хвост колонны бронетехники и артиллерии. Все больше солдат в кадре. Начинает явственно бухать артиллерия. Канонада все громче.

Следующая сцена

Городок Шид. Пресс-центр армии. Писатель сидит в большом кабинете и пытается понять суть спора между сопровождающими его военными и капитаном из пресс-центра.

Приблизительно спор сводится к следующему: пускать или не пускать журналиста Лимонова к городу Вуковар. Капитан, потрясая французским паспортом писателя, заявляет, что нет, нельзя, он – западный журналист.

Военные заверяют, что с французским паспортом этот журналист все же «рус», «православец», свой и пишет для белградской «Борбы». Капитан кричит, что все французы – католики и работают на хорватов. «Борба! Рус!» – кричит дружелюбный военный. «Француз, католик!» – кричит капитан.

Видны за окном проходящие в колоннах солдаты, слышна канонада, идет снег. Ситуацию разрешает появившийся в сопровождении многочисленных военных один из министров, встреченных в Белграде. Улыбается, подходит к писателю, жмет руку. На рудиментарном английском объясняет, что Вуковар взят. Сегодня. На рассвете. Начальник пресс-центра капитан расслабляется. Ставит свою печать и подпись на «дозволе».

Писатель замечает, что столы в пресс-центре покрывают толстые стекла. Как некогда в старых советских кабинетах. Все идут к выходу. Чувствуя вину, капитан долго трясет руку писателю и просит, проезжая через Черный лес, ехать на полной скорости, дорогу до сих пор обстреливают снайперы.

Следующая сцена

Автомобиль несется со всей возможной скоростью. Выстрелы слышны, но непонятно, кто и куда стреляет... Открытое пространство заканчивается. Все целы. Автомобиль цел. Скорость снижена. Вдруг у поворота страннейшая сцена. На снегу стоит несколько пляжных разноцветных зонтов. Они раскрыты над столами. Вокруг на снегу пластиковые стулья. На одном из них надувная розовая резиновая женщина. Вокруг странные бородатые солдаты в черном: сапоги, кожаные куртки, черные папахи с кокардами. Хохочут, подталкивают друг друга. Останавливают автомобиль, проверяют «дозволу». «Руса везем, журналиста», – хватают военные. «О, рус, рус. Когда придете к нам на помощь?» Писатель улыбается. Объяснять, что он «рус» из Парижа, излишне. Автомобиль трогается. «Четники, – поясняет водитель. – Очень храбрые». «И очень пьяные», – добавляет тот, что с карабином.

Следующая сцена

Они въезжают в совершенно разрушенный город Вуковар. Пейзаж напоминает Сталинград. Вокруг работают несколько огромных военных бульдозеров. Расселись на ступенях разрушенного здания (это был музей) усталые и серые от пыли солдаты. Перед ними бидон с супом, в мисках горячая похлебка, клубы пара. Оказывается, температура минус десять. Вот тебе и Балканы! Ноябрь. Виден некий бетонный фонтан. Точнее, то, что от него осталось. Скульптура в центре фонтана разбита, на металлической арматуре повисли куски рук, лиц и торсов. «Лаокоон»? «Пьета»? Непонятно. Писатель быстро устремляется в развалины. Он захотел отлить. На него бросается молодой солдатик в пилотке и подминает писателя своим весом. Они падают на землю.

– Что? – не понимает писатель. – Что не так? За что?

– Тут полно «паштетов», они везде!!! – кричит солдатик.

– «Паштетов»?!

– Противопехотная мина, – объясняет фотограф, – закапывается в землю, начинена гвоздями, обрезками железа. Запрещена Женевской конвенцией.

– Смотри, – говорит солдатик. Берет кирпич и бросает его в том направлении, куда направлялся отлить писатель. Раздается взрыв.

Следующая сцена

Центр опознания трупов вблизи Вуковара. Доктор в оранжевом халате, содрав перчатки, моет руки под струей воды из цистерны. Горит в нескольких бочках солярка, чтобы согреться и заглушить запах трупов – он, несмотря на минусовую температуру, различим. Солдаты в марлевых повязках сгружают с грузовиков трупы. Труп голой старухи – часть тела обожжена, в области груди видны огнестрельные раны – с грузовика стаскивают вниз на медицинскую тележку. Одна из рук старухи перебита и чуть не отваливается. Солдат подчищает пол кузова грузовика лопатой, кусок тела либо окровавленной одежды падает на тележку, на труп старухи. Солдаты прыгивают и идут мыть руки все к той же цистерне. Хохочут. Доктор, увидев непонимающий взгляд писателя, провожающий солдат, философски замечает, что СМРТ – это СМРТ, а живот есть живот, то есть жизнь.

Следующая сцена

Доктор водит писателя и показывает ему трупы со следами пыток. На спине у трупа мужчины вырезаны то ли штыком, то ли ножом несколько ран. Трупов так много, что они не только лежат рядами в клеенчатых зеленых палатках, но и рядом с палатками в черных пластиковых мешках с молниями. Отдельно в палатке поменьше – пять трупов детей. У одного очередью перебиты руки. Самый маленький труп лет пяти – с выколотыми глазами.

– Кто они? – спрашивает писатель. – Сербь? Хорваты?

– Мы не знаем, – отвечает доктор. – Фамилии у нас у всех общие, не позволяют отличить. По крестикам только и определяем. Еще есть десяток имен исключительно хорватских. Для девочек, например, Яна. – Доктор замолкает.

Это только один из эпизодов «моей» первой сербской войны. А всего их было три, «моих» сербских войн. И еще война в Приднестровье и в Абхазии война. И так как все их

вместить в один сценарий нет пространственной возможности, то вот несколько обрывков сцен, в жанре киносценария.

Приднестровье. 1992 год. Город Бендеры. Открыты ворота огромного сарая. На стуле (тельняшка, поверх тельняшки камуфляжный жилет – разгрузка, несколько гранат висят и торчат, пистолет на поясе, автомат на коленях) сидит батько Костенко – подполковник, кореец с глазами рыси. Глаза желтые. Батько вершит суд. За ним полуколыцком стоят приближенные. Среди них писатель Лимонов; подруга батьки Костенко – Таня в темных очках; офицеры. Фоном служит сено, сельскохозяйственные орудия и разнообразное оружие. Перед батькой дезертиры. Пятеро.

– Магазин грабили? – спрашивает батько сурово.

Дезертиры молчат. Костенко:

– Значит, грабили. У воюющего народа берете, суки! – Батько сжимает зубы. Видны желваки скул. – У своих братьев отнимаете!

Дезертиры молчат. Костенко:

– Будете молчать – шлепну каждого второго. Женщину кто избивал?

Дезертиры молчат. Костенко:

– Жук, кто избивал хозяйку?

Жук, парень в камуфляже, в кроссовках, прижимающий левой рукой автомат к груди, уверенно указывает на старшего по возрасту дезертира. Длинноносый, худой, с запавшими глазами.

– Этот злыдень.

Костенко. Бил? За что, сволочь, бил?

Длинноносый. Да не бил я...

Костенко. Значит, баба придумала, да? Она не ссыкуха какая, пожилая женщина, у ней дочь взрослая.

Длинноносый. Да не бил я...

Костенко. Если бы не писатель среди нас, ты бы у меня тут обосрался, но все сказал. Завтра решу вашу судьбу. В подвал их, Жук!

Жук. Там же румыны сидят! И полицаи.

Костенко. К румынам их!

Жук. Пошли, злыдни!

Уводит дезертиров, спустив автомат на левую руку. С ним уходят несколько солдат.

Костенко. Следующий!

Пожилой молдаванин, смущенно одергивая пиджак, выходит к батьке: «Просьба у меня, батька. Дай бензина, дочь рождает, повезу в больницу».

Костенко. А чего ты ко мне идешь, в райсовет бы шел.

Крестьянин. Ты, батько, все решаешь. Костенко. Дать ему бензин!

Быстро подъезжает уазик скорой помощи. Красный крест намалеван везде: на бортах, сзади и даже на крыше. Из него выскакивает молодой солдат. Солдат: «Батько, там в подвале ребята снайпершу – «белые колготки» окружили!»

Костенко. А это интересно!

Встает, садится в уазик рядом с шофером. Кто успевает (среди них Лимонов), садятся в уазик. «Скорая» срывается с места.

Следующая сцена

Лабиринты подвала жилого дома. Костенко, писатель, солдаты склонились над матрасом в углу. Костенко держит в руке женскую туфлю. Красную. На матрасе несколько пятен крови.

Костенко. «Белые колготки», «белые колготки»! Олухи. Соседские ребята целку затащили и трахнули. А она сбежала!

Смеется.

Следующая сцена

Абхазия. 1992 год. Салон автомобиля «жигули». Серпантин дороги. Рядом с водителем писатель Лимонов. Указатель «Нижние Эшеры». Бетонные блоки перегораживают дорогу. Сбоку от дороги – море. Сделав петлю между блоками, автомобиль выезжает на свободную дорогу. У обочины отряд, с первого взгляда подростков. Они одеты в черные комбинезоны, увешаны оружием, на лбу черные и зеленые повязки. Выглядят они как массовка фильма о какой-нибудь мексиканской революции. Проверяют документы у водителя. Брезгливо разглядывают его и пассажира.

Один из «подростков». Куда направляетесь?

Водитель. В штаб командующего фронтом.

«Подросток». Пропуск есть?

Водитель предъявляет пропуск.

«Подросток». Оружие есть?

Водитель вынимает из бардачка пистолет. «Подросток» заинтересованно берет пистолет в руки.

«Подросток». Из музея, что ли, украл?

Водитель морщится. «Подросток» отдает ему пистолет. Водитель нажимает на газ.

Писатель. Кто такие?

Водитель. Чеченцы. Отряд Шамиля. Очень храбрые бойцы... Но заносчивые.

Следующая сцена

Москва. 3 октября 1993 года. Вечер. Телевизионный центр «Останкино». Большой грузовик пыхтит у входа в технический корпус, там, где центральный вход. Чуть отъезжает и вдруг ударяет в стеклянную дверь и стену. Звон разбитого стекла. Толпа людей.

Писатель Лимонов стоит в первом ряду вблизи от грузовика. С ним разговаривают Константинов – председатель Фронта национального спасения – и дед на костылях. Все веселые. Дед, выбивая из пачки «Явы» сигарету: «На, Эдик, закури!»

Писатель. Да я уже двенадцать лет не курю, бросил.

Дед. Сегодня такой день, великий день, что можно!

Лимонов закуривает.

Сквозь быстро собирающуюся толпу просачиваются журналисты. Фотографы и операторы снимают грузовик. Вдруг раздается оглушительный взрыв, и волна нестерпимого света и тепла накрывает первые ряды толпы. Почти одновременно раздается дробный звук пулеметных и автоматных выстрелов. Стреляют из здания. Сверху. Раздаются крики. Ругательства.

Писатель падает на асфальт и отползает прочь. Добравшись до гранитного бордюрного забора, окаймляющего клумбу, оглядывается. На всем пространстве у здания лежат тела. Некоторые стонут и шевелятся. Другие недвижимы. Писатель с ужасом замечает, что у него на бушлате остановилась красная горящая точка, но, постояв, она перемещается на лежащего рядом молодого парня. «СМРТ», – бормочет писатель. И ползет прочь.

«Голуби» и «ястребы»

Уже и не помню, кто меня поселил в Пале в отель, кажется, Момчило Краишник, он сидит сейчас в тюрьме для международных преступников в Гааге, а тогда он был председатель Скупщины Сербской Боснийской республики, а высокогорный городок Пале, нависший над Сараево, был столицей этой республики, почившей в бозе. Иногда я пытаюсь писать стихи о тех временах, у меня есть первая строчка «Гербы исчезнувших республик...», а дальше я не продвинулся. Слишком живо все это еще и больно. Много людей погибло.

Так вот. Пале нависало таким разбойничьим гнездом над городом Сараево, и была осень 1992 года. В Сараево сидели мусульмане во главе с жестоким Алией Изетбеговичем, а сербы сидели на горах вокруг. В тот год они спокойно могли взять Сараево, собственно, они удерживали уже один квартал – Гербовицы, куда я, конечно, спустился с сербским отрядом и выпил кофе в кафе, телерепортаж из этого кафе обошел экраны телевизоров всего мира в тот год. Хотя, конечно, это все была показуха, это кафе, ибо никакой нормальной жизни там не установилось. Выходили мы из кафе как из окружения, вначале обстреляв улицу напротив, потом перебежками до подбитого автобуса и так далее в том же духе. Какой черт меня понес в эту Гербовицу и в кафе, спросите вы. Думаю, бравада, врожденное сумасбродство. Чтобы потом в Париже процедить сквозь зубы какой-нибудь мурлыкающей парижаночке, указывая на телеэкран: «Я там был, ты знаешь?» Официальная версия моих приключений в те годы: журналистская деятельность. На самом деле я практически всегда путешествовал самовольно, на свои деньги и, лишь вернувшись живым в Париж, писал, бывало, репортаж-другой и пытался их продать. Мой диагноз был простой: авантюризм. А прикрывался я личиной военного корреспондента.

Но вернемся в Пале. Момчило Краишник принял меня, несмотря на позднее время. Русских гостей у них тогда вообще не было, говорили о каком-то русском докторе, вроде бы дезертировавшем из контингента голубых касок ООН, но я так никогда этого легендарного доктора и не встретил. У Момчило Краишника было крупное доброе сербское лицо, и самая фамилия свидетельствовала о том, что он серб с окраин, то есть из диаспоры. А не с пшеничных полей матери-Сербии. Я был несколько нетрезв, когда вошел в кабинет к Краишнику, но это его не смутило. Сербь вообще проще и лучше русских в простых жизненных ситуациях, они подходят к человеку с пониманием. Тем более я сразу сообщил ему, что на пути заехал вместе с попутчиками в монастырь, где монахи напоили нас сливовой водкой. Мы поговорили с Краишником как два государственных мужа об отношениях России и Сербии, в то время никаких, и меня отвезли в отель.

Хотя была ранняя осень, там повсюду был снег, свистел ветер в соснах, и было очень холодно, даже изрядно выпившему человеку. Я слабо знал сербский, мой попутчик, бывший военный комендант Сараево, Йован и его водитель не говорили ни на одном языке, кроме сербского, и потому я плохо себе представлял, где очутился. Краишник внес небольшую ясность в мою личную космогонию и топографию, но с учетом нетрезвости я все равно плохо соображал, где нахожусь. Знал, что где-то над Сараево.

Дело в том, что я уже скитался по Сербской Боснийской республике чуть ли не неделю. В Белграде меня доверил коменданту Йовану (у меня сохранились его фотографии: длинное гражданское пальто, белый шарф, ястребиный нос) человек, которого разыскивает уже много лет гаагское правосудие, – генерал Радко Младич. Радко Младич ошибся тогда: он принял меня, русского эмигранта с французским паспортом, за эмиссара из России. Результатом этого недоразумения была трехчасовая беседа над крупномасштабной картой Сербской Боснийской республики, Сербии и Боснии и Герцеговины, короче, всей бывшей Югославии. Генерал был одет в ярко-синий гражданский костюм, явно ему тесноватый. Он выглядел

как приодевшийся на церковный праздник крестьянин. Младич сообщил мне, что им нужны вертолеты МИ-24 и, кажется, противоракетные комплексы СС-300, если таковые тогда уже существовали. Может, это были СС-200? Еще им необходимо было горючее для танков, контрабандного горючего сербам не хватало. Еще я узнал, где и какие военные заводы расположены в Хорватии и Герцеговине. Проинструктировав меня таким образом, генерал доверил меня Йовану, и мы поехали в Боснию через горы.

Йован привез меня в свой округ Вогоща. Его сербский дом оказался вполне турецким, диваны и подушки как в гареме, молчаливые женщины. Его отец, одетый в шапочку и халат, мог вполне быть принят за мусульманина. Из округа Вогоща я и спустился с отрядом в Гербовицу. А затем совершил поход в местечко Еврейски Гроби (там находится еврейское кладбище, фактически это пригород Сараево). В Гробах я познакомился с отрядом четников и удрал с ними в атаку на позиции мусульман. Йован не углядел за мной, и я вместе с бойцами прыгнул с укрепленных наших позиций на ничейную землю и устремился вперед. Следуя инструкции, делал несколько выстрелов с одной позиции, менял ее, делал еще несколько выстрелов. Йован устроил мне впоследствии скандал. После именно этого случая Йован отвез меня в Пале. Я думаю, он устал за мной приглядывать.

Не помню, в какой момент он исчез и как мы попрощались. Помню уже, что мне дали в холле отеля ключ и аккуратно отрезанный кусок свечи и спички. В холле стояли столы, и за столами галдели вооруженные и невооруженные сербы. Оказалось, в отеле нет света, не работает канализация и отопление. Наверх меня проводил какой-то хлопец в хаки. По дороге мы встретили призраков со свечами, таких же как и мы. Хлопец открыл мне дверь, принес из соседнего номера стопку одеял. На мой изумленный возглас: «Зачем мне одному столько одеял?!» – я получил ответ на сносном английском, что и этих одеял будет мне недостаточно, так как температура по ночам опускается до минус 15. Затем он ушел, сообщив, что если я хочу есть, то нужно сделать это сейчас, но в любом случае горячей пищи у них нет. И он скрылся за дверью.

Я улегся в постель одетый, прикрывшись парой одеял, и некоторое время повозился с моим новым пистолетом, подаренным мне комендантом округа Вогоща и его офицерами. Пистолет югославского производства, фабрики «Червона звезда». Игрался, пока его не заклинило. Наигравшись, взрослый дядя, я навалил на себя все выданные мне одеяла и еще комплект постельного белья. Полежал, вслушиваясь в звуки отеля. Шаги по коридору, голоса. Снаружи вдруг слышалась отдаленная канонада. И я уснул.

Проснулся я от холода и пронзительного света. Весь отельный номер заливало чудесное холодное солнце. В окне колыхала кроной ярко-зеленая сосна с ярким свежим красным стволом. Я вспомнил, где я нахожусь, и прошел к окну. Глазам моим предстал величественный пейзаж заснеженных гор, залитых солнцем. Я решил, что жизнь замечательна, и отправился в туалет. В туалете стояла вонь застоявшейся мочи, и я вспомнил, что канализация не функционирует. Я решил спуститься вниз, в холл отеля, справить где-нибудь нужду и выпить кофе. Прибирая постель, я смахнул на пол мой пистолет. Слава богу, он стоял на предохранителе, потому что он не слабо хряпнулся о паркетный пол. Обратив внимание на чудесный, тесно пригнанный паркет, я перенес свое внимание на стены, они были обшиты деревом. Все было выполнено в стиле этакого скандинавского шале, но было пронзительно холодно. Надев на себя тельняшку, две рубашки, свитер, пиджак, бушлат да еще и шарф, я вышел в коридор и спустился в вестибюль. В вестибюле мне сказали, что кофе, конечно, будет, но нужно ждать, повар еще не приехал, он ночевал не в отеле, а у себя дома. Что туалетом можно воспользоваться для малой нужды, а для большой вот, пожалуйста – горы. «Mountains», – сказал мне тот же ночной хлопец в хаки, он, видимо, дежурил и днем. «Cold, – сказал он. – Very cold».

Я вернулся в свой номер, стараясь не дышать, отлил в зловонное жерло туалета, хотел просмотреть свои записи в блокноте, но было так холодно, что мне пришлось хлебнуть из фляжки несколько глотков огненной сливовицы. Стало чуть легче, я перестал дрожать от холода. Но работать, разумеется, было невозможно. Я вложил мой пистолет в кобуру на пояс и вышел. В коридоре мимо моей двери шла седая женщина с сигаретой, в брюках и толстой вязаной кофте. «Good morning», – сказала она и улыбнулась. По виду ей совсем не было холодно. «Я знаю, кто вы, – сказала женщина и назвала мою фамилию. – Пойдемте ко мне, у меня есть керосиновая плита».

Я поблагодарил и пошел за ней. Через несколько дверей от моей двери она остановилась. Мы вошли в помещение вдвое больше моего, и там было тепло! О, какое счастье, там было так тепло, что через некоторое время мне пришлось снять бушлат.

«Я сделаю кофе», – сказала женщина и сбила пепел в неприлично большую металлическую пепельницу, где уже было много пепла и окурков. «Это не будет очень хороший кофе. Но пусть такой. Не знаю, как вы, а я не могу начать день, пока не выпью кофе». В глубине помещения стояли столы, два или три, на них лежали бумаги. За столами сидели мужчина и молодая женщина. Женщина вложила лист в пишущую машинку и стала стучать по клавишам. В это время моя новая знакомая забила молотый кофе из пакета в кофеварку под названием «Занзибар». Почему я ее узнал, такую кофеварку, потому что такая же была у меня в Париже.

– А теперь давайте знакомиться, – сказала она. – Меня зовут Билана. Я член Государственного совета республики боснийских сербов.

– У меня такая же кофеварка, – сказал я, – вы знаете.

– Очень удобная, – согласилась она, – можно варить кофе в любых условиях, на костре, где угодно...

– А где вы так выучились английскому? – спросил я.

– Преподавала в Соединенных Штатах. Я профессор.

– Радован Караджич, ваш президент, тоже профессор, как я слышал?

– Радован – профессор психиатрии. Вы еще не познакомились?

– Нет, – сказал я. – Я только вчера вечером прибыл в Пале. До этого был в округе Вогоща и ходил в Гербовицу с отрядом.

– Это вы зря сделали. – Мне показалось, что она поморщилась. – Там опасно, мы не должны были занимать этот квартал. Но Радован уступил генералам, они требовали продемонстрировать нашу мощь. Я была против. Мы не должны выглядеть агрессорами.

Видимо, у меня было лицо ничего не понимающего человека, потому что она рассмеялась:

– Я вижу, вы не искушены в нашей политике... – «Занзибар» в это время заклохотал, как захлебывающаяся курица. Это означало, что последние плевки кофейной влаги поднялись из нижнего сосуда в верхний. Профессор Билана разлила кофе в две чашки. Одну получил я. Отхлебнул. Жизнь мгновенно сделалась в несколько раз лучше. – Сигарету? – предложила она.

– Спасибо, бросил... Вы говорили о вашей политике...

– Ну да, о нашей многострадальной политике. Садитесь... Там было несколько стульев, и я сел.

– Двигайтесь ближе к плите, – сказала она. – Тут теплее.

Я послушно подвинулся.

– В нашей республике, и в правительстве, и в Госсовете, есть «ястребы» и есть «голуби». Есть партия генералов. Генералы у нас, как и полагается генералам, – «ястребы». Самый главный генерал у нас – генерал Радко Младич. Он же и главный «ястреб».

– Я познакомился с ним в Белграде, – сказал я.

– О, вот как! И чего он от вас хотел?

– Военной помощи со стороны России. И экономической.

– Ну да, – вздохнула она. – Ему надо заправить свои танки и ворваться в Сараево. Однако нам не нужно этого делать. Как раз этого нам не нужно делать. У нас и так семьдесят два процента всей территории республики. Запад и без этого обвиняет нас в геноциде мусульман. Я не сомневаюсь, что мы легко захватим Сараево, но как только мы его захватим, к нам сюда придут международные силы ООН и вышвырнут нас...

– Мне стало понятно, что вы «голубь». А какую позицию занимает президент Караджич?

– Радован? Он то «ястреб», то «голубь». На него очень давят генералы, хотя это он сделал Младича генералом, вы знаете? Младич был полковником...

Она затянулась сигаретой. В этот момент я вспомнил, что знаю этот тип женщин. Ей лет пятьдесят с лишним, это тип профессорши американского университета. Некогда, видимо, красивая, с возрастом опростившаяся. Чуть подкрашенные губы, загорелые морщины, не располневшая; сигарета – символ независимости в женщине. Я видел таких женщин в Лос-Анджелесе, и в Корнелле, и в Беркли. По происхождению американки, русские, немки, польки, но типаж тот же. Всегда демократических взглядов, готовые сцепиться с мужчинами... нет, повернем дело так: не демократических даже, но прогрессистских взглядов.

Она заметила, что я ее изучаю. Я счел нужным пояснить:

– Я шесть лет прожил в Америке. Бывал в университетах и кампусах. Вы похожи на американку.

– Ничего удивительного. – Она пожала плечами. – У них есть чему поучиться. Разве нет?

– Да, – сказал я. – Жаль, что их интересы противоположны вашим. Сербы такие же крупные, сильные, решительные мужчины и женщины, как янки. Они – как бы американцы Балкан. Только почему же Запад с мусульманами?

– Опасность исходит от Германии, – сказала она мрачно. – Америка не хочет ввязываться в балканские распри. Германия, воссоединившись, потому что ваш Горбачев им позволил, теперь восстанавливает свою зону влияния. И интригует против Сербии, пытается возмутить против нас всю Европу. С нами только Греция. А ваша Россия отстранилась.

– Да, – сказал я, – это наш позор.

– Они еще пожалеют, что поддержали мусульман в центре Европы... – Она взглянула на часы. – Мне пора. Сегодня важное заседание Госсовета. Я надеюсь, Радован устоит против генералов. Они будут требовать наступления на Сараево.

– А можно мне с вами? – вдруг спросился я.

– Заседания Госсовета всегда закрыты для публики. Мы держим их в тайне, и даже проходят они всякий раз в разных местах.

Я чувствовал, что она колеблется.

– Я не помешаю, – заметил я совсем глупо. – А вдруг чем-нибудь смогу помочь.

Тут она посмотрела на меня тем же взглядом, каким неделю до этого смотрел генерал Младич. Думаю, она поверила на время, что я очень влиятельный русский, если не эмиссар Кремля, то...

– Поехали, – сказала она. – Но если другие будут против, вам придется уйти.

– Без проблем, – сказал я. – Жду вас у выхода.

* * *

Билана появилась очень скоро. Член Государственного совета лишь чуть ярче подмала губы. На ней была шуба и свежая сигарета в губах. Мы сели с ней в высокий военный автомобиль типа джипа, сзади в микроавтобус сели охранники с автоматами, конечно.

– Я должна бы надеть вам на глаза повязку, – рассмеялась она, – чтобы вы не видели, куда мы едем, но я уж вас не стану пугать.

Мы ловко виляли по высокогорной дороге.

– Вы поняли, что тут очень красиво? – спросила она.

– Ну да. Тут что, горный курорт?

– Не угадали. А впрочем, и да, и нет. Все это построено было для зимних Олимпийских игр в 1980 году. Вы помните игры в Сараево? И отели, в том числе и тот, где мы с вами проживаем в крайнем неудобстве, и трассы, и вот этот бетонный желоб для бобслея, взгляните налево, видите, наши солдаты приспособили его для жизни, покрыли сверху досками и превратили в блиндажи.

Действительно, гигантский желоб бобслея был обитаем. В одном месте на нем были вывешены солдатские одеяла, чуть поодаль сушилось белье. Непонятно было, как они там спят, должно быть, постоянно сползают друг на друга.

Мы проехали через несколько КПП и поднялись по лестнице в некий комфортабельный барак на сваях. Солдаты интенсивно стучали ботинками по деревянным ступеням так, что Билана попросила их не стучать. Вслед за нами, взвизгнув тормозами, я услышал, замер черный автомобиль президента. Я обернулся в дверях и успел увидеть Караджича, крупного мужчину с длинными седыми волосами, в длинном расстегнутом пальто с поясом. Караджич, как выяснилось позже, принципиально никогда не надевал военной формы. Произошла некоторая заминка с моим пистолетом. Естественно, что офицер, отвечавший там за всю безопасность, воспротивился моему вхождению в помещение, где собирались высшие чины государства, с пистолетом. Офицер долгое время не мог понять, кто я такой, и был по этому поводу очень зол. Я сдал ему свой пистолет, но он все равно был зол. До тех пор, пока не появился генерал Младич и не протянул мне руку первый. Офицер тотчас успокоился, и я прошел в помещение, где должно было начаться заседание. Караджич зашел последним и уселся за некое подобие круглого стола, у которого уже сидели все члены Государственного совета. Они позволили мне даже сделать несколько фотоснимков моей примитивной «мыльницей» фирмы «Кодак». И начали заседание. Из того, что я мог понять, более по интонации, чем по смыслу, «ястребы» и «голуби» тотчас сцепились. Видимо, не желая иметь свидетеля своих распрей, минут через пятнадцать они попросили меня покинуть зал.

– Don't be offended, – сказала мне Билана, – now we should talk about secrets of the State. Каждое государство имеет свои секреты, не так ли?

Меня отвезли в Пале, в офицерскую столовую, где я просидел несколько часов и познакомился с двумя десятками офицеров и гражданских служащих правительства. Жаль, что там не подавали вина, у них был установлен недавно сухой закон для таких мест. Но я сходил несколько раз в туалет и там прикончил мою фляжку. Я чего-то ждал, интуиция подсказывала мне, что мне следует ждать. Мне нужно было за что-то зацепиться.

И как со мной всегда бывает в таких случаях, судьба сама шагнула мне навстречу. В военной столовой появилась вдруг группа лиц явно иностранного происхождения, один из них с телекамерой, впрочем зачехленной. Съемки и фотографирование в военной столовой были запрещены, о чем повествовал клочок бумаги на входной двери. Группа лиц получила от раздатчиков свои порции еды и уселась недалеко от меня, сбоку. Я их частично видел, а частично мог догадываться об их движениях. Удовлетворив свой аппетит, они, я увидел,

стали осматриваться. И обратили внимание на меня. В темных очках, коротко стриженный, в кожаном пиджаке, с пистолетом на поясе и синих джинсах, я выглядел неординарно среди армейских хаки сербских офицеров. Группа пошушукалась, затем один из них подошел ко мне и заговорил по-английски:

– Простите, вы Эдвард Лимонов, не так ли? Мы – телекомпания Би-би-си. Я – режиссер Пол Павликовский. Я приехал сюда снимать документальный фильм о Сербской Боснийской республике и о ее президенте Радоване Караджиче. Я вас узнал, Эдвард, я читал несколько ваших книг по-английски. Завидев вас, у меня появилась такая идея. Я вам сейчас изложу ее, а вы скажете, согласны вы или нет. Могу я присесть?

– Садитесь.

– Видите ли, как режиссер, я намеревался вставить в фильм интервью с президентом Караджичем. Я собирался провести его сам: я задаю вопросы, он отвечает. Я осознавал, что подобная подача материала – банальна, но другого выхода не видел. Заметив вас здесь, в столовой, я придумал вот что: вы возьмете для моего фильма интервью у президента. Лимонов же говорит по-английски, подумал я. К тому же у сербов и русских одна вера, ваши народы дружили веками. На ваши вопросы президент ответит охотнее и интереснее, чем на мои. Если вы, конечно, не против и если господин президент не будет против. Согласны?

– Сколько это займет времени?

– По нашим подсчетам, дня три. Мы уже отсняли множество материалов.

Офицеры шумно самообслуживались за нашими спинами. Одни отдавали подносы с использованными тарелками в особое окошко, к посудомойкам, другие нагружали подносы свежими блюдами, входящие топали ногами, ведь на улице таял горный снег. Внезапно все стихло. Офицеры встали все как один.

– Президент Караджич! – сказал Павликовский.

Встали и мы. Президент, в том же длинном пальто с поясом, вошел и направился прямо к нашему столу. Протянул руку Павликовскому. Пожал руки всей съемочной группе. И пожал руку мне. Я сказал, что я русский писец (то есть писатель), а Павликовский вдруг добавил, что у него есть гениальная идея, чтобы русский писец и поэт Лимонов брал бы интервью у сербского поэта и президента Караджича. Если, конечно, господин президент не возражает.

На солидном, но акцентированном американском английском языке Караджич сказал, что он извиняется перед съемочной группой Би-би-си за то, что заставил себя ждать. Заметив, что офицеры в столовой все стоят у своих столов, Караджич показал им рукой: «Садитесь же». Офицеры осторожно, почти беззвучно, сели, что было удивительно, поскольку это были большие и могучие сербские офицеры.

– Я вас видел на заседании Госсовета, – сказал Караджич. – Вы друг Биланы?

– Да, с сегодняшнего утра. Она напоила меня кофе.

Караджич снял пальто и сел. Этому моменту соответствует фотография, где запечатлены он и я, там, в столовой. Слева от Караджича стопка тарелок, его длинные седые волосы обрезаны в скобку, как у школяра или Алексея Толстого, и я в темных очках, гладко бритый, по виду скорее похожий на ненавистного сербам хорвата. Караджич, мелькнула у меня в тот момент мысль, похож на профессора американского университета, как и Билана Плавшич. Таковым он на самом деле и являлся многие годы до тех пор, пока не был призван боснийскими сербами выполнить более важную роль, чем профессор психиатрии.

Продираясь сквозь толщу пятнадцати лет, а именно столько лет исчезло в пасти у времени, я вижу Караджича, офицеров, молодых и старых, с гордостью глядящих на своего президента. Где он сейчас? Скрывается в родных боснийских горах, как какой-нибудь древний консул, объявленный вне закона, и его прячут ветераны? Или же скрывается в необъятной России, может быть, сидит в некой югославской строительной фирме, предлагая клиентам буклеты и обсуждая расходы? «Голубь» Билана Плавшич находится в камере международ-

ной тюрьмы в Гааге. Так же как и Момчило Краишник. Затрудняюсь сейчас вспомнить, был ли он «голубем», Краишник, но уж никак не «ястребом». Краишнику дали 11 лет, Билане Плавшич – 9. Генерал Радко Младич скрывается, так же как и Караджич. Все они, и «голуби», и «ястребы», оказались одинаково виновны в глазах европейцев и янки. Виновны в том, что защищали родные горы, свои дома, сливовые деревья и виноградники.

В чем они ошибались, если они ошибались? Они ошиблись в том, что недооценили жестокость и европейцев, и янки. За демагогией не разглядели железную пуританскую волю наказать и даже уничтожить их только потому, что сербские диаспоры мешали им осуществлять свои планы. К несчастью Сербской Боснийской республики, во главе ее стояли люди с успешным американским прошлым, а не люди с неуспешным. Профессорский опыт и Караджича, и Биланы Плавшич сталкивал их в Соединенных Штатах с людьми из мира науки, культуры, интеллигентности. И Америку Караджич и Билана представляли по тем коллегам-профессорам, по вольному духу Корнелла и Беркли. В то время как Америкой управляют полуграмотные патриоты-миллионеры из Техаса и всяких медвежьих углов. В расчете на разум сдалась Плавшич, и даже лидер радикалов-националистов партии Сербска радикална спилка Шешель сам поехал в Гаагу и сдался. Потому что верил в справедливость Запада. Крестьянский генерал Младич никогда не верил.

Детскими кажутся сегодня их ухищрения понравиться, не брать Сараево, рассчитывая, что этим они завоюют сердца жестоких лидеров Запада. Что «голуби», что «ястребы», заключены они в темницы. Преподав нам исторический урок.

А тогда в столовой мы сговорились с президентом встретиться наутро. Меня должен был забрать из отеля Павликовский. Благодаря Павликовскому я три дня находился в обществе президента. Правда, Павликовский обманул меня и подставил, как западные политики сербов. Камера Би-би-си сумела поймать меня в объектив, когда я стрелял на стрельбище из пулемета. Этот кадр впоследствии был включен в документальный фильм «Сербская эпика» с подлым таким добавлением-вставкой. На секунду после показа стреляющего из пулемета Лимонова в фильм был вмонтирован кадр: мирные домики Сараево. Оказалось все точно так, как предупреждал русский Ницше Константин Леонтьев: «Не радуйтесь вниманью франков». Он правильно предупреждал. Фильм основательно испортил мою репутацию в странах Запада.

А потом они бомбили и мамку-Сербию.

Stranger in the night

Мы едем по горной дороге из Сараево. Ночь. Но фары у нас не зажжены. Едем наугад, по звуку. Слышим моторы впереди и сзади. Если зажечь фары, то нас обязательно расстреляют. Либо из миномета, либо из гаубицы – это самые распространенные в армии мусульман боевые средства. Самое легкое, что с нами может случиться, – это если нас расстреляют из пулемета. Дело в том, что если город Сараево почти полностью занят мусульманами, то вздымающиеся амфитеатром вокруг Сараево горы хаотичным образом представляют из себя чересполосицу фронтов. Позиции сербов и мусульман там перемешаны. Мне пришлось побывать на сербских позициях на склоне огромной лесистой горы, где книзу от нас позицию занимали мусульмане, а выше по склону тоже находилась мусульманская позиция, в то время как саму вершину удерживали сербы. Земли на самом верху прочно удерживают сербы.

Бои в этих местах осенью 1992 года были столь интенсивны, что даже начавшийся листопад не смог скрыть толстого покрова из отстрелянных гильз от пулеметов. Наиболее распространенная модель пулемета – ПАМ, 12,7 мм, системы «Браунинг». Как они попали в большом количестве на югославские войны, мне неизвестно. Возможно, югославская армия имела их на вооружении. При стрельбе пулемет 12,7 браунинг издает характерный, отчетливо клацающий звук, как будто работаешь на тяжелой машине для штамповки металлических деталей. Пулемет ПАМ в руках воина дает ему мощную силу. С ним лучше управляться вдвоем, чтобы не перекашивало ленту. С таким пулеметом можно перебить стадо слонов в несколько минут.

Мы боимся луны. Если она появится, то у нас значительно уменьшатся шансы остаться в живых. Вдоль дороги смерти, мы знаем, видели днем в бинокль, валяются каркасы сгоревших автомобилей. Автомобили были подбиты либо в лунные ночи, либо потому, что водители предпочли включить на мгновение фары, опасаясь свалиться в пропасть. Вместо пропасти большинство включающих фары бывают поджарены.

В машине нас трое. Солдат Ситкович за рулем. Председник Душан Матич рядом с ним на переднем сиденье. Председником чего Душан являлся или является, я не знаю. Он мой попутчик. Я взял его в машину, которую выделили мне, чтобы я выбрался наконец из объятий Сараево. Матич – человек лет тридцати. В гражданском сером костюме, в клетчатой рубашке с преобладанием красного и в черном полупальто. На голове кепка. К Ситковичу я испытываю самые лучшие чувства. Во-первых, его фамилия напоминает мне фамилию моего школьного приятеля Витьки Ситенко. Витька потом стал уркой и бандитом. Сидел в тюрьме, курил анашу, но мы дружили с ним. Во-вторых, солдат Ситкович привез меня из Белграда неделей ранее сюда, в Сербскую Боснийскую республику, в веселой компании. Мы везли в Боснию контрабандный алкоголь и не отказали себе в удовольствии отведать наш товар. Отведал его и водитель. В результате мы часов пять пели сербские частушки, одни и те же:

Тито маэ свои партизаны,
А Алиа свои мусульманы...

И опять и опять одно и то же... И нам не надоело.

Мы едем очень медленно, чтобы не свалиться в пропасть и не врезаться друг в друга. Ибо нас выехало из Сараево с десятков машин. Все с дистанцией в сотни метров друг от друга. Скорость оговорена. Однако все может случиться.

И случилось. Может быть, у мусульман на позициях установлена акустическая аппаратура. А может, ветер, горный, осенний, пахнувший грибами, гнилью, раскопанной землей, донес до них звук моторов наших автомобилей, но по дороге открыт огонь. Мы слышим звуки разрывов и видим букеты этих разрывов, бьющие по дороге. Автомобиль впереди нас подбит. Он утыкается мотором в скалу и вспыхивает. Так как скорость небольшая, то автомобиль просто воткнулся носом и, кажется, даже не помялся. Автомобиль отчетливо виден нам, видно, как он теперь заваливается на бок. Дверь отворяется, оттуда вываливается человек. Ползет прочь. За ним в двери виден второй пассажир автомобиля.

– Езжай быстрее! – Душан Матич, председатель чего-то, жесткой рукой вцепился в плечо Ситковича.

– Там раненые! Надо помочь людям! – Ситкович хрипит сиплым ненатуральным голосом.

– Мы не сможем помочь все равно. Проезжай!

Мы, как в замедленном кино, тихо и плавно проезжаем мимо пылающего автомобиля. Затем Ситкович включает скорость, и мы несемся вперед, прочь от пылающего факела на дороге.

Нам слышно, что вдруг сзади, как порыв крупного дождя, пулеметные очереди ударяют по обшивке обреченного железного ящика с людьми. Вдогонку нам слышны крики. Ночь смыкается за нашими спинами. Ситкович на мгновение включает фары. Самый опасный участок мы проскочили.

Эгоистическая радость охватывает нас, знакомая тем немногим, кто когда-либо избегал подобным образом гибели. Я оборачиваюсь. Яркой точкой в ночи сияет объект смерти. Но точку скоро скрывает поворот дороги. Ночь. Мы молчим.

Собственно, мы до буквы следовали инструкции, полученной перед выездом всеми экипажами автомобилей. Не останавливаться, если один или любое другое количество автомобилей будет подбито. Попавших в беду не спасешь, а у наших противников хорошо выработанная практика подобных нападений. Бьют по колесам, затем по бензобаку, поджигают и при свете пылающего автомобиля добивают пассажиров. Раньше ездили колоннами, но, когда был уничтожен целый караван, запретили ездить колоннами. Уничтожили караван просто: подбили первый и последний автомобили. Дорога узкая, съехать с нее невозможно. Всего через несколько лет чечены применяют эту боснийскую тактику в Чечне против русских войск.

Отъехав километров с десять, Ситкович включает фары.

Тито маэ... —

затягиваем мы.

На самом деле это единственная сербская частушка, которую я знаю. Ситкович хочет сделать мне приятное.

А что, мы остались живы! А тем мужикам в автомобиле, ехавшем впереди, им не повезло. Если совершать подобные подвиги ежедневно или даже раз в неделю, риск быть поджаренным и продырявленным увеличивается.

Останавливаемся, достигнув сербских позиций. Горят костры. Солдаты копают окопы. Такое впечатление, что мы приехали не туда, куда собирались добраться. Но, слава богу, мы попали к сербам. Сегодня ночь красной ленты. Это значит, что сербы привязали к погонам и к рукавам красные ленты или шнуры. В прошлую ночь знаком отличия своих от чужих была белая лента.

Мы выходим из машины. Выясняем, куда мы заехали. Оказалось, что вместо того, чтобы подыматься постепенно вверх к столице Сербской Боснийской республики городку Пале, мы свернули и находимся сейчас на одной из лоскутных позиций на склоне гор. Очень

сильно шибает в нос острый запах осенней земли, выброшенной из окопов. Как одеколон какой-то. Можно, наверное, выпускать одеколон «Окопный». Рецепт запаха одеколона «Окопный» – рубленые корешки различных растений, включая полынь, прелые листья, кротовый помет, спящие дождевые черви, один мышиный хвост. Одеколон будет пользоваться бешеным успехом в европейских столицах: в Париже, Лондоне и Берлине...

Нам предлагают переночевать на позициях. Душан настаивает на продолжении пути. Ситкович, судя по его лицу, не очень хочет вести машину ночью. Но решающее слово за мной. Я главный в нашей небольшой команде. Я решаю ехать. Почему? Сознаюсь, что выбирать всегда тяжелый вариант доставляет мне удовольствие. Говорят, Александр Великий из Индии хотел идти все дальше и дальше на Восток и, может быть, завоевал бы Китай, но его воины, и среди них все его командиры, отказались следовать за ним дальше. Они устали от ран и побед. И тогда Александр упал на землю и заплакал в бессильной ярости. Он жалел, что не может завоевать весь мир.

Мы сели, двери стукнули, закрываясь. Несколько солдат подняли руки, прощаясь с нами. Ситкович включил фары, потому что иначе в этих местах не проехать. Часть пути мы ехали за санитарной машиной, а когда она свернула в сторону подбирать раненых, мы продолжили путешествие одни. Сплошные стены зелено-красно-желтого леса по обе стороны дороги в окнах автомобиля. Довольно монотонная картина. Дорога плохая, кое-где размытая, а местами такая каменистая, что камни, вылетая из-под колес, попадают в стекла и, кажется, вот сейчас расколут их. Где-то в разных сторонах слышны отдаленные выстрелы, но горы и лес молчат. И их молчание сильнее выстрелов. Это могучее молчание Вселенной, в то время как выстрелы – трескотня человек. Так мы едем некоторое время.

Солдат Ситкович злится за рулем. Я вижу это по его напряженному затылку. По затылку, шее и виду сзади на одну из челюстей всегда можно определить настроение водителя, если сидишь на заднем сиденье. Ночная езда по фронтовой дороге на таком сложном участке чересполосицы есть, конечно, сорт безумия. Поэтому я приказываю остановиться при появлении первого же костра вдоль дороги. То есть у меня возобладали чувство самосохранения и разум.

– На ночь возьмете троих? – спрашиваю я у костра. С десятков солдат полудреmlют у некоего подобия очага, обложенного камнями.

– Это у лейтенанта, – отвечает ближайший ко мне солдат. Точнее, я слышу голос, исходящий из груды одежды. Что надето на голос, не видно в темноте, но надето много.

– А где его найти?

Груда кряхтит, встает и идет вперед. Мы за ним. Проходим мимо скопления бревен, идем по листве среди деревьев и выходим к блиндажу на склоне. Спускаемся в блиндаж. Он неглубокий и с одной стороны обрывается куда-то в пропасть. Там он прикрыт бруствером из бревен и мешков с песком.

В блиндаже горит свечка. У грубого стола без ножек (доски положены на камни) сидит лейтенант. Было бы непонятно, впрочем, что он лейтенант, но груда тряпок, приведшая нас, обращается к нему:

– Лейтенант, к вам приехали. Просятся на ночь.

Лейтенант поворачивается, встает:

– Документы!

Правильно, думаю я, он же не может пустить в распоряжение части каких-то strangers, прибывших из ночи. Он подносит мой паспорт к свечке:

– Как сюда попали?

Я называю ему имена. В первую очередь председателя Скупщины Сербии Предрага Марковича, затем президента Боснии Караджича и председателя Радикальной партии Сер-

бии Воислава Шешеля на случай, если лейтенант вдруг окажется националистом. Лейтенант не удовлетворен:

– Дозволу имеете?

Я имею дозволу, я просто забыл про нее, хотя дозвола (разрешение на пребывание в Сербской Боснийской республике) важнее любых громких имен. Даю ему дозволу, обычную бумажку с лиловой печатью. Он удовлетворен. С Ситковичем и Матичем лейтенант управляется быстро, у них ведь сербские удостоверения.

– Можете лечь здесь, – указывает он на нары. Там два места заняты спящими фигурами военных, только одно свободно.

– Но это ваше место?

– Мне все равно проверять посты. Ложитесь. Ваших людей разместим в соседнем блиндаже.

Он уходит с Ситковичем и Матичем. Последним уходит Матич. Вид у него злой. Я ложусь на деревянный настил в чем я есть, то есть в бушлате, только снимаю ботинки. Натягиваю на себя военное одеяло лейтенанта. И проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь от воя мин. Отвратительный звук нарастающего свиста. Вскакиваю. И ударяюсь головой о потолок блиндажа. Бежать незачем, я и так в укрытии. Лучшего укрытия не будет. Фигуры военных рядом со мной двигаются было, но, видимо, вспомнив, как и в моем случае, что находятся в укрытии, замирают, выжидая. Уже светает.

Обстрел продолжается минут десять и начинает стихать. Не внезапно заканчивается, когда наступает окончательное молчание, но, видимо, противник переносит огонь на соседний участок фронта. И потому обстрел затих, отдаляясь. Я сажусь на нарах.

Приходит лейтенант. Садится рядом со мной.

– Ваш товарищ погиб, – говорит лейтенант виновато. И не глядит на меня.

– Кто погиб? – спрашиваю я и начинаю надевать ботинки.

– Тот, что в гражданской одежде. Мина попала прямо в окоп. Всех, кто там был, наповал. Ваш и наших двое солдат. Готовы?

Я встаю, и мы идем. Он впереди. Выходя из блиндажа, вижу, что у двери вместо тряпки для вытирания ног лежит знамя боснийских мусульман. Лиловое с желтыми лилиями на щите. Идем по осеннему лесу смотреть на трупы. Закапывать трупы. Все равно вокруг пахнет мокрой землей. Что окоп рыть, что товарищей закапывать – солдатское дело. Сходное с крестьянским. Крестьянам приходится много работать с землей. Солдатам также, даже в современной войне. А тут и война несовременная. Трупы находятся невдалеке. Я сразу понимаю, почему они погибли. Они улеглись в ячейке окопа, которую солдаты, расширив, превратили в некое подобие землянки. Над ячейкой существовала, видимо, временная крыша. От дождя она спасала, от мины не спасла.

Я заглядываю. Крови не видно. Они лежат в одеялах, и кровь ушла в одежду и в одеяла. Мой попутчик Матич лежит посередине, видимо, они раздвинулись ночью, чтобы дать ему место. В такой тесноте их всех пропоролло одними же осколками.

Подходит солдат Ситкович. Прыгаем в окоп. Все вместе начинаем извлекать трупы. Начинаем с Матича. Берем его за ноги в черных носках. Тащим, чтобы выдвинуть его из соседствующих двух трупов, как из пенала. Нога у него еще не ледяная, как у трупа, еще не заволодела, отмечаю я. Однако кровь уже не течет, свернулась. Подымаем. Видимо, он весь напигован металлом, поскольку одеяло выглядит как сито. Кладем Матича на мокрую траву, застланную осенними листьями. Лицо и голова у него не повреждены. Только землей запорошены. Прыгать в окоп за вторым трупом мне не приходится. Солдаты уже подтянулись, и в окопе не повернуться. Ловко и слаженно вынимают оставшихся двух. Видимо, привычная печальная работа. Мы закуриваем. Ситкович и я. Хотя я бросил в 1981-м.

Лейтенант недолго совещается с несколькими солдатами о том, где рыть могилы. Начинается ветер, сильно скрипят стволами большие деревья. Серо. Сыро. Подходящая погода для захоронения мертвых. Солдаты уходят. Я вижу их, уже с лопатами и кирками поднимающихся по склону. Лейтенант отходит к трупам. Становится на колени перед каждым. Шарит руками на груди. Я уже видел подобное. Лейтенанту нужны их документы. Чтобы сообщить в штаб, чтобы сообщить родным. Над трупом Матича он задерживается. Выпрямляется на коленях. Оборачивается к нам. Кричит:

– Рус, подойди!

Мы подходим. Одной окровавленной рукой лейтенант держит документы убитых, а другой указывает на грудь Матича.

– Крест! – говорит лейтенант. – Крест! – В голосе его звучит ужас.

Ситкович первым понимает случившееся. Он присаживается на корточки. Вглядывается в распоротые клочки клетчатой, с преобладанием красного, рубашки Матича.

– Католики крест, – говорит он мне, подымая на меня глаза. В его глазах тот же ужас, что и в глазах лейтенанта.

Я объясняю лейтенанту, что Матич был наш попутчик, не наш товарищ. Что мы его не знаем. Так же как и не знаем, что он делал в Сараево. Ситкович подтверждает.

Сербы отказываются хоронить католика вместе со своими солдатами. Они брезгливо несут тело куда-то вниз, положив его на некое подобие носилок из жердей. Мы видим сверху, как солдаты взгромождают тело Матича на бруствер из мешков с песком. При этом все они пригибаются, опасаясь, видимо, обстрела. Затем, вооружившись палками, они сталкивают тело вниз. Там обрыв, а внизу позиции мусульман.

– Зачем? – спрашиваю я Ситковича.

– Он же католик. Пусть его мусульмане хоронят.

Мусульмане снизу отвечают стрельбой. Тело принято.

* * *

Мы отказываемся от завтрака. Садимся в машину. Я рядом с Ситковичем, на место, которое занимал Матич. Глядя на мокрую стену деревьев, я думаю: «Кто он был, этот католик? Шпион, пробравшийся в сербский сектор Сараево? Просто опрометчивый человек, по семейным или личным обстоятельствам оказавшийся среди чужих и имевший храбрость и глупость носить католический крест среди враждебных военных? Ни кто никогда не узнает... Stranger in the night».

Ситкович, сжимая руль, затынул:

– Тито маэ свои партизаны...

И я подтянул:

– А Алиа свои мусульманы...

Атака

Когда гражданские узнают, что ты был на войне, они обычно спрашивают:

– Ты кого-нибудь убил? Как это было?

При этом они, видимо, ожидают, что ты им расскажешь о том, как «он» смотрел в твои глаза, ты – в его глаза. А перед смертью «он» тебе что-то прошептал, и ты теперь всю жизнь терзаешься. То есть гражданские ожидают, что произошла сцена в духе Достоевского: большие глаза, зрачки, прикрытая ладонью рана.

На самом деле в войне все не так. Война – это не дуэль и не фехтование. Ты никогда не можешь быть уверен, даже в атаке, кто ответственен за труп, на который ты выбежал, – ты или бегущий рядом товарищ. Чья пуля его сразила – никто тебе не определит. Конечно, если только ты не снайпер, снайпер видит, кого снимает и как тот падает. А в жизни рядового бойца он редко попадает в ситуацию, когда выскочил прямо на врага, и вот ты его кляц, и он ногами брык у твоих ног.

Гражданские меня вообще возмущают своим идиотизмом. Они неповоротливы, медленно ходят, ленивы как коровы и не умны. Я много раз убеждался в их неполноценности, когда прибывал вдруг с войны в свой Paris. Как они были медлительны! Как они меня раздражали!

Люди, побывавшие на войне, другие. Однажды на коктейле в издательстве Albin Michel, помню, я встретил парня-француза. Мрачный такой тип. Он воевал за хорватов. Когда нас познакомили французские злорадные интеллектуалы, то они, видимо, надеялись, что мы кинемся убивать друг друга. Но мы, сдержанно поздоровавшись, вдруг отошли в сторонку, увлеклись разговором, перешли на «ты», выпили много shots of whiskey и в конце концов расстались чуть ли не друзьями. Мы оказались друг другу много ближе, чем все эти интеллектуалы в очках и буклированных пиджаках. Мы месили одну грязь там, в горах и холмах на Балканах. Он, может быть, видел меня в прицел своего карабина, так как он был снайпер. Ведь оказалось, что мы были в одно время на том же участке фронта. Впрочем, дальше углублять знакомство мы не стали. Осторожность бывалых ребят сделала свое. Мы любезно обменялись фальшивыми телефонами, но даже по этим фальшивым не пытались позвонить друг другу. Я не звонил, а что он не звонил – я уверен.

Теперь о военном деле. Оно не хитрое. Рядовым бойцам его чуть-чуть преподают, если есть время. Однажды я попал в места, где располагалась военная школа. Это было в Боснии. Там у них был даже танк Т-80, и можно было научиться его водить. Но поскольку войны на территории Югославии в 90-е годы не были большими войнами, то основная военная работа заключалась во взятии и прочесывании небольших городков, сел и поселков городского типа. Так вот, военную школу эту держал один симпатичный кадровый военный, по званию капитан, эмигрант-серб из Австралии. Там у них была построена учебная такая улица. И на ней учили, как брать городок. Бойцы подразделения были разбиты на два ручейка. Идущие по одной стороне улицы должны были контролировать одновременно и первые этажи домов, и подвальные окна, разумеется, тоже на своей стороне улицы. А вторые этажи (если таковые имелись) контролировали бойцы другого ручейка, текущего по другой стороне улицы. В то время как бойцы первого ручейка контролировали окна второго этажа на другой стороне улицы. Каждый обладающий здравым смыслом, даже не военный человек, немедленно поймет, что стрелять во врага в окна второго этажа через улицу напротив – единственно разумная позиция, в то время как стрелять во врагов с улицы снизу – бесполезное дело. Опытный вражеский боец даже не высунет тело из окна, будет стрелять не высываясь, сбоку, вниз, скрытый стеной, снизу ты его и не увидишь. В школе учили идти плотно к зданию, близ окон пригнуться и красться под окнами. Гранаты рекомендовалось вбрасывать, приот-

крыв двери. Бросать гранату в целые стекла окон строго запрещалось. Нужно было разбить окно выстрелами и только после этого бросать в проем гранату. От стекла гранату, как правило, отбрасывает, и в большинстве случаев она приземляется среди болванов, кинувших ее таким образом. Гражданские сплошь и рядом не умеют бросать в окна гранаты или бутылки с «коктейлем Молотова». Я убедился в этом ночью 3 октября 1993-го у технического центра «Останкино». Героические ребята, пытавшиеся бросать «коктейли Молотова» в широкие окна центра, старательно ползли к зданию, героически вставали и швыряли бутылки в самую ширь окна. Естественно, бутылки рикошетили в кусты, вскоре уже все кусты пылали. Мой спутник, майор, посоветовал желторотым вначале разбить окна камнями, целя не в центр, а с краю, а уже потом швырять внутрь бутылку со смесью. Они последовали совету и немедленно преуспели. Угол здания запылал.

Тактика уличного боя многообразна. В школе у капитана обучали многому: взрывным работам, связи, стрельбе из зенитных батарей, но все-таки большей популярностью пользовалось обучение тактике уличного боя. Причем на этих курсах было много девок. Я встретил там таких широкобедрых роскошных красоток в камуфляжах, что и не захочешь, а пойдешь вместе с ними отбивать городки, села и хутора.

Я начал свое повествование не для этого, но поневоле азартно втянулся. Надо отдать должное чеченцам: не стянутые российской воинской доктриной и дурацкими устарелыми тактиками, взятыми из времен Второй мировой войны, лишённые авиации и артиллерии, они быстро научились воевать с нами так, как им подсказывала реальность боя. Так, лишённые артиллерии, они сумели в уличном бою заменить артиллерийскую мощь мощью гранатометов. Конечно, никакой гранатомет не может помочь в классической позиционной войне, но в условиях уличного боя РПГ-7 многоразового пользования со сменными выстрелами оказались стопроцентно эффективными. Чеченцы поступили так. Они придали каждому отряду (обыкновенно из пяти бойцов) несколько гранатометов, пулемет и нескольких автоматчиков. Гранатометы работали по танкам и бронетехнике таким образом. По гусеницам и по колесам работали гранатометчики из подвальных этажей зданий. Подбивали обычно в узкой улице первую и последнюю машину, дабы закупорить улицу и перебить весь отряд. По бензобакам работали гранатометчики с первых этажей. И наконец, когда из загоревшихся машин выскакивали танкисты, а из загоревшихся БМП (боевая машина пехоты) выскакивали бойцы, по ним работали пулеметчик и автоматчики. Эта тактика родилась у чеченцев сама собой во время злосчастного наступления российских войск в канун Нового, 1995 года на улицах Грозного.

Прошу прощения, вернусь обратно на бутафорскую улочку школы капитана глубоко в боснийских горах. Бойцы падают, ползут, сержанты кричат, бойцы потеют, смеются. На заднем плане опасно вертится Т-80, видимо, не могут справиться с танком ни ученик, ни учитель. Надо всем этим яркое горное балканское небо, пыль от танка поднялась. Вдруг сержант свистит к обеду, все встали, отряхиваются, идут в столовую. Девушки снимают каски, льются каскады волос, пахнет парфюмом. Мирная такая картинка.

Военное дело нехитрое, но учиться надо. Элементарным вещам. Часто фронт стоит. Может стоять в горячих точках и год на месте. Все пристрелялись к позициям друг друга, все соблюдают некие неписанные законы, все счастливы. С одной стороны не допускают нарушения правил, и с другой. Я был в одном горном регионе, помню. Фронт там пролегал прямо над селом. Сербы вышли на хутора, окружающие село, а хорваты заняли село и стояли. Продолжалось это десять месяцев. Скучно. К вечеру начинали лениво обстреливать друг друга. Постреляв, начинали ругаться. Снизу кричат хорваты, сверху отвечают сербы. Скучно ведь. Однажды молодой солдат хорват долго ругался грязным матом про «печку матерну», то есть женский детородный орган матери. Старый солдат серб не вынес грязной ругани и пристыдил молодого человека. Очевидцы говорят, что он упрекнул парня, мол, оружие взял в руки,

форму надел, а такие непочтительные вещи говоришь о матерях. Матерей уважать надо. Самое интересное, что молодой солдат хорват затих. Ему стало стыдно.

Другой солдат рассказывал, что увидел в оптику снайперской винтовки своего соседа-хорвата, которого ненавидел. Тот вышел на балкон, зевая. Дело было ранним утром. Радостно мурлыкая, он взял хороший прицел, и в это время на балкон выбежал маленький сын соседа.

— Я не убил его, — сожалел потом серб, — мальчика жалко стало.

Войны 90-х годов в горячих точках были все как одна, на самом деле крестьянские войны за землю между народами. Хорваты против сербов, мусульмане против сербов, армяне против азербайджанцев в Нагорном Карабахе, абхазы против грузин в Абхазии и так далее. Заметьте, что земли все плодородные, южные. Богатые виноградниками, фруктовыми садами. Никому в голову не пришло воевать за однокомнатные квартиры в мерзлых бетонных коробках.

Когда фронт сдвигается, это случается по немногим причинам. Либо начальство решило волевым усилием победить раз и навсегда, либо, ополоумев от скуки, местные военные ринулись вперед. Будь что будет, лишь бы не эта рутинка. Когда снайперы обстреливают одни и те же объекты и пуля втыкается в сосну аккуратно на 30 сантиметров выше головы, хочется сломать систему.

В Еврейски Гроби атаку начали из-за меня. То есть я так полагаю, что они решили меня проучить. Вывести меня на чистую воду, может быть втайне желая доказать мою слабость. Во всяком случае, мне так казалось. Они пожелали меня испытать.

Не все там были четники. Их позиция была чуть в стороне, рядом с нашей. Но они заявились туда, услышав, что я приехал. В черном все, с бородами, папахи черные на головах. Четники — это сербские националисты. Они и спровоцировали атаку, после того как сами стали стрелять. По кому? По мусульманам, конечно, ибо над Сараево нам противостояли мусульмане. А место называлось Еврейски Гроби, то есть Еврейское Кладбище. Оно и было кладбищем, там лежали плиты на ничейной земле внизу. Я это увидел потом, во время атаки. А первым стал стрелять я. Вот как это вышло.

Когда мы приехали, там только что стихала предыдущая волна обмена любезностями, еще постреливали. Мы бросили машины и побежали, пригибаясь, к сербским позициям. Прежде всего, позиции охранял длинный каменный дом о двух этажах, усиленный спереди еще одной каменной кладкой, каменной, я настаиваю, а не кирпичной. Потому что это был прочный дом, и с сербской стороны всегда можно было там укрыться. Не укрывал он только от мин, мины летят сверху, но я не слыхал об обстрелах этого участка из минометов, из чего понял, что минометов у противостоящих на этом участке мусульман не было. Дом, как укрепление, был продолжен каменными стенами. Угол этой крепости был превращен в дзот, представлял из себя врытую в землю как бы башню. В ней у сербов стоял крупнокалиберный пулемет, стрелявший убийными штуковинами диаметром 12,7 мм. Наши укрепления, то есть дом, каменная стена и дзот, к тому же еще находились на возвышении. Враг находился где-то за открытым пространством (сербь вырубил все деревья на расстоянии 50 метров от их укреплений), за зелеными зарослями леса, так враг находился еще и ниже сербских позиций на пару метров.

Мы пробежали в тень дома, встали там кучкой и говорили обо всем на свете. О причинах, то есть о мусульманах, и их укреплениях, о Слободане Милошевиче, о президенте Караджиче, о ценах на сливу и сливовицу. Четники подоставали из-за голенищ сапог и из карманов своих живописных одежд флажки и наперебой угощали меня. Рус был им интересен. Одновременно в их ухмылках и в оскалах зубов (зубы у них были не ахти в каком состоянии, недоставало зубов у многих, что придавало им совсем уж достоверно разбойничий вид) я видел некое недоверие, некий вызов мне. В этом вызове ничего необычного

не было. Любой коллектив, особенно мужской, всегда пробует новичка на зуб. Тем более что в сербских газетах обо мне писали как о националисте, «советнике ультранационалиста Жириновского». Кто такой Жириновский, четники и сейчас, наверное, не знают, но националист рус, то есть я, стоял перед ними и не был похож на националиста. Не имел бороды и усов прежде всего. Бритый гладко, как хорват, да еще и обручальное кольцо (как я позднее выяснил) я носил по причине разбитого сустава пальца не на той руке.

Они стали пробовать меня на зуб. Подошел бородатый четник с кокардой на папаше, представился: «Мишо». Протянул мне свой автомат с большим прикладом: «На, рус, постреляй из нашего сербского «калашников»». Я посмотрел, поставлен ли автомат на стрельбу одиночными. Навел прицел на зелень. Отдача была необычно сильная. «Буф!» – ударило меня в плечо. Еще раз – «Буф!». Как известно, по синякам на правом плече опознают бойцов, переодевшихся в гражданскую одежду. Сделав выстрелов пять, я остановился. Мишо-четник похлопал меня по плечу: «Стреляй весь магазин, рус!»

– Я не привык палить в никуда, – сказал я, протягивая ему автомат. – Еще я слышал, что у вас с турками перемирие.

– Кончилось перемирие, рус. – Мишо не брал из моих рук автомат. – В одиннадцать часов турки должны были передать нам тела наших юнаков. Не передали. Конец перемирию. Сейчас двенадцать.

– Конец, – подтвердил совсем юный четник и вскинул на плечо трубу одноразового гранатомета.

Буу-уу-уэ! Как петарда вылетела из трубы граната и, взрезав зелень, помчалась на невидимых за зеленью турок.

Турки не заставили себя ждать, и со всех участков фронта, со всех сторон зацокали пулеметы, забулькали гранатометы и застучали автоматные очереди. Заговорил и наш дзот, оттуда, отсекая ветви кинжальным огнем, заработал браунинг. Второй пулемет, судя по звуку, той же модели (кстати, распространенной в сербской Боснии в те годы, хотя браунинг 12,7 – это вообще-то авиационный пулемет), заговорил с фронтальной стороны дома. Я увидел, как несколько солдат стали разваливать камни стены неподалеку от дзота.

– Эдуард! Рус! – кричали мне те, кто привез меня. – Сюда! Там опасно! – Это были люди из правительства республики.

– Сейчас будет атака, ты с нами, рус? – кричал мне в ухо Мишо, поскольку стрельба стояла такая уже, что слов было не разобрать. Мы с ним прижались к стене, потому что турчины вели в нашу сторону интенсивный огонь. Это было видно и по ветвям, срезанным и падающим в нашу сторону, и по редким, но хлестким ударам пуль о камни укрепления. – На, рус, хлебни! – Мишо совал мне в руки фляжку. – Держись рядом!

Я хлебнул. Хорошо обожгло полость рта.

– Эдуард! Эдуард! Рус! А рус! – кричали гражданские из правительства республики. Они прятались теперь у самого дома, сидели на корточках.

– Я жив! Все в порядке! – закричал я. – Жив!

Видимо, это успокоило людей из правительства. Они замолчали и занялись собой. Может быть, передавали фляжку из рук в руки друг другу. Стихла и стрельба вдруг. Не совсем прекратилась, но стихла.

– Идем? Идем? – спросили четники друг у друга. И вдруг устремились туда, где солдаты закончили разваливать стену. Один за другим они бежали к пролому и прыгали вниз.

То же самое сделали и мы с Мишо. Я едва удержал автомат. Высота там оказалась не менее двух метров. Разбившись поодиночке, бойцы побежали к зеленому массиву, стараясь, видимо, как можно скорее проскочить открытую местность.

Упомянул ли я, что стояла осень? Так вот, была осень. Начало октября над этими Еврейскими Гробами. С поправкой на то, что это Балканы, то есть куда южнее Крыма. Я был в

одном из своих многочисленных бушлатов (у меня был период в жизни, когда я носил только бушлаты). И вот я бегу как спринтер среди пней и кустарников, вспотел в бушлате, ожидаю пули в лоб либо в корпус тела. Бег среди пней – не самое увлекательное действие. Автомат Мишо висит у меня на груди. Ибо не даром же я побывал до этого в Приднестровье, а еще раньше на первой сербской войне на территории, называвшейся Республика Славония и Западный Срем. Ремень у Мишо был отпущен, и автомат у меня на груди под правой рукой, удобно. Целевой выстрел я сделать не смогу, но повести красиво, как в кино, вее-ром от живота – легко! Перед тем как прыгать вниз, я инстинктивно поставил рычажок на стрельбу очередями. А может, не инстинктивно, а может, увидел, как другие ставили, ну и сдвинул его. Бежать среди пней – значит, поневоле бежать зигзагами. Бегу зигзагами, думая, что в меня таким образом труднее попасть.

Мишо я увидел, только когда мы углубились в заросли. Там, конечно, был не лес, просто старое еврейское кладбище, где давно никого не хоронили, оно поросло так хаотически, как хотело. В некое советское послевоенное время титовские власти разрешили строить там вокруг дачные участки. Короче, все это поросло стволами крупными и мелкими, и скелеты дачных домиков иногда возникают. Я вспомнил, как меня учили: не больше пяти выстрелов с одной позиции, так меня учили ходить в атаку (ну не спрашивайте где, сказать не могу), и поставил автомат на одиночные. Из-за толстого дерева три выстрела, и вперед... Залег у камня, из-за камня три выстрела, перекатился зачем-то (жить хочется, вот зачем) и прополз быстро вперед. А где перед – ясно, все в том направлении движутся.

Оделся я слишком жарко. Под бушлатом – кожаный пиджак, под пиджаком свитер, правда хлопковый свитшот, еще майка. Пот лоб заливает. Хорошо, волосы короткие. Встал, бегу. Укрылся у дерева. Три выстрела. Бегом. Плита, мхом вся поросшая, лежит на другой плите. Может, могильная. Времени нет разглядывать. Почему три выстрела? А это перестраховка. Чтоб труднее было засечь. У плиты я задержался, подумав почему-то о том, где же ограды на еврейском кладбище? Или евреи не ограждают свои могильные камни каждый? А потом вспомнил, что в детстве я прожил много лет рядом с очень старым еврейским кладбищем, и там тоже не было оград. Должно быть, их все и на Украине, и в Сербии давно растащили на металлолом. Пахло трухлявой пряной гнилой осенью. До этого несколько дней шли дожди. Пахло плесенью.

Мишо упал на землю возле меня. Смеется. Достает фляжку.

– Держи, рус!

Глотаю. Убеждаюсь, что тотально правильно выдавали фронтовые сто грамм. От нескольких глотков нечеловеческая сила. Вскикиваем. Бежим.

Бежать дальше некуда, мы достигли их укреплений. У них перед их укреплением также повырубаны деревья. И они не ленились. Их голое пространство перед их укреплением шире нашего. Залегли. Шепчемся. Наблюдаем. Видим два тела, лежащие меж пней. Свежие тела, потому что не успели ничем порастить. Подмяли траву. Вокруг давно мертвого трава выглядит иначе.

– Это не сербы, – шепчет мне Мишо.

Я молчу.

– Это турчины, мы их застрелили, – бубнит Мишо. Я молчу. Потому что не знаю.

– Что дальше? – шепчу я Мишо.

– Капитан решит. – Мишо начинает вертеться, оглядывая нашу группу, лежащую среди пней. – Где капитан? – спрашивает Мишо у меня.

– Не знаю.

Такое впечатление, что мусульмане нас не видят. Мы перестали стрелять, и они перестали. Лежим. Смотрю на часы. На секундную стрелку, потому что от минутной тут толку нет. Минутная фиксирует гражданское время. Я смотрю на секундную стрелку. Смотрю и

не могу наглядеться. Она показывает мне не время. Всем случалось рассматривать какой-нибудь шнурок на своих башмаках, или трещину в стене, или свою собственную грубую кожу на руке, на костяшках кулака? Обыкновенно человек совершает это созерцание в состоянии глубокой задумчивости о чем-либо ином. Предмет задумчивости вовсе не шнурок, не трещина и не кожа. Предмет иной, но сосредотачивает вас на мысли об ином предмете как раз шнурок, трещина, дактилорисунок вашей кожи. Я думал о гребаном капитане, где он. Нас тут щас всех на хрен поубивают «в печку матерну», а он где?

К нам подползает ближайший солдат:

– Капитан велел открыть неприцельный огонь и брать укрепление.

– В печку матерну, – говорит Мишо.

– В печку матерну, – повторяю я.

Солдат уползает.

Далее происходит следующее. Мишо переводит автомат в его руках на режим стрельбы очередями. Мои глаза покидают секундную стрелку, останавливаются на мясистом листе неизвестного мне садового растения, он запылен, отмечаю я. А мои пальцы переводят автомат Мишо в моих руках на режим стрельбы очередями. Мишо успевает достать фляжку, но времени отхлебнуть у него не остается. Капитан или не капитан на правом фланге от нас выпускает истошную очередь, что-то вопит, и мы начинаем стрелять и бежим, как разрозненное стадо, на их укрепление.

Они встречают нас так же истерично, как мы прибежали к ним, и нам приходится залечь, а потом отползать опять к зеленке, то есть зеленым насаждениям, сквозь которые мы проползли в этом направлении. В зеленке выясняется, что у нас есть раненые, но нет убитых, что удивительно, поскольку мы полезли на их укрепление с расстояния не более трех сотен метров.

Мы остаемся в зеленке до темноты. Мы еще два раза повторяем попытку ворваться к ним, но захлебываемся. В результате мы теряем двоих убитыми. В темноте мы уже выпрямляемся во весь рост и отходим, вынося убитых и помогая раненым. Мы ругаемся. «В печку матерну!» – говорит Мишо. «В печку матерну!» – говорю я. «В печку матерну!» – говорит капитан, парень лет тридцати.

Дневной счет был 2:2. По двое убитых с каждой стороны. Ну и раненые.

Пленный

Тот, кто играл на аккордеоне, не был пленным. Пленным был тот, кто играл на гитаре. Я узнал об этом уже в самый разгар пирушки, когда дым шел коромыслом, что называется. За огромным столом, таким огромным, что я такого отродясь не видал, сидели офицеры. Женщина была только одна – пышнейшая и большая блондинка, хозяйка военной столовой, где мы находились. Она приносила и уносила еду. О том, что гитарист пленный, сказал мне фотограф по фамилии Сабо. Фамилия Сабо у венгров как фамилия Ким у корейцев. Что до венгров, то они всегда в молчаливой оппозиции в Сербии. У них есть целая провинция Воеводина, где венгры чуть ли не в большинстве. Они спят и видят перенести границу и войти в состав Венгрии. Но побаиваются восставать в открытую, как это сделали хорваты и мусульмане. Можно, конечно, рассудить, что у хорватов и мусульман Югославии не было независимых государств, а у венгров есть через границу. Венгры подзуживают, сплетничают, злопыхательствуют и стучат. Во всяком случае, такая у них репутация. Этот Сабо тоже в конце концов настучал на меня. Донес про историю с пленным.

Пленный выглядел как парень, с которым некоторое время встречалась Наташка, когда мы ненадолго расстались с ней в Париже в середине 80-х годов. Как Марсель. Такие же белесые кудельки, высокий, плоский и очень потливый. Просто вот один к одному. Бывает же такое. Глядя, как он большими приплюснутыми пальцами зажимает струны, я его уже не любил, хотя и не знал еще, что он пленный.

На самом деле пленный выявился уже в конце пирушки. С самого начала была организована офицерская пирушка в мою честь при свете трех тусклых лампочек, подпитанных от автомобильного аккумулятора. Дело происходило в общине Вогошча. Округ территориально относился к городу Сараево. Меня усадили во главе стола между председателем общины господином Коприцем Райко и полковником Вуковичем. Вокруг стола нас сидело человек сорок или пятьдесят. Почти все – офицеры. Стол был уставлен закусками: ягнятина, сушеное мясо, суп горба. Военная Босния жила в те годы сытнее и обильнее, чем Россия.

Сидим, мохнатые тени от трех лампочек превратили нас в древних героев. Пьем ракию. Встаем, кричим здравицы, произносим тосты. Полковник Вукович берет слово: вручает мне, вначале исхвалив меня так, что я краснею, подарок от общины округа Вогошча – пистолет фабрики «Червона звезда», калибр 7,65, модель 70. Я тронут, я встаю, я благодарю. Некоторые офицеры уходят на дежурство или на задание. На смену им приходят другие.

Единственная женщина огромна. Она настоящая мать всем нам. Улыбается, приносит зараз по десятку тарелок, забирает опустевшие. Я спрашиваю ее, как называется ее заведение. Неожиданно слышу в ответ абсолютно мирное, но экзотическое: «Кон-Тики». Так назывался плот норвежского путешественника Тура Хейердала, на котором он добрался до островов Полинезии, в частности до экзотического острова Пасхи. Я ожидал услышать грозное военное название, а тут «Кон-Тики»...

Музыканты пришли уже часа через два. К тому времени мы меняли места за столом как хотели, мы бродили по залу и много курили, когда они явились. Мы стали петь, а музыканты подыгрывать. То, что мы пели, напоминало русские частушки. Кто-то (по кругу, по часовой стрелке была у них очередность) затягивал куплет, а хор повторял его. Помню следующий текст. Солист: «Тито маэ свои партизаны...» Хор: «А Алия свои мусульманы». Текст требует объяснения. Сербь никогда особо не жаловали Иосипа Броз Тито, хорвата по национальности, сумевшего сплотить на короткое время народы Югославии под эгидой коммунистической идеи. Сербские националисты – четники – порой воевали во Второй мировой войне против партизан Тито. «Алия» в частушке – это Алия Изетбегович, президент мусульман, засевших в Сараево. Частушка проводит прямую параллель между мусульманами Изетбе-

говича – сегодняшними врагами сербов – и партизанами Тито. Абсолютной исторической правды частушка не придерживается, но характеризует настроение боснийских сербов в те годы. Тито расстрелял Драже Михайловича, четнического генерала, в конце войны. Своего соперника.

Помню еще текст. Солист: «Йосип Тито...» Хор: «Усташей воспита!» То есть частушка обвиняет покойного президента Югославии в том, что он воспитал усташей – хорватских ультранационалистов. Усташи сумели вырезать во Вторую мировую за время существования хорватского независимого государства полтора миллиона сербов. Лагерь уничтожения в Ясеноваце, утверждают сербы, был пострашнее гитлеровских. Лагерь в Сисаке был детским, это единственный в истории лагерь смерти для детей. Сербов можно понять. И я их понимаю. Я никогда не смогу поехать в Хорватию, в страну с такой историей, мне будет неприятно там находиться. В 1945–1946 годах католическая церковь спасла хорватское руководство и многочисленных усташей от Нюрнберга и от виселиц. Тито также замазал, затер историю, якобы во благо всех примирил народы под коммунистической крышей. Однако языки пламени вражды вырвались в 90-е годы.

В слабо и скудно освещенном помещении все предметы и лица трагичны. Такова особенность скудно освещенных больших помещений. Тени чрезмерно длинны, глаза собравшихся спрятаны в темные ниши, и, хотя все мы веселы, со стороны офицерская пирушка выглядит как фильм Пазолини «Евангелие от Матфея». Крупные планы резких лиц, обилие морщин и горящих глаз. Я выхожу отлить. В помещении та же история, что и во всей Боснии, – канализация не работает. Поэтому выхожу отлить под звезды. За мной идет рослый солдат Ранко. Он водитель, вместе мы приехали из Белграда. Солдат становится рядом. Отлили. Топаем обратно.

В зале офицеры покончили с хоровым пением и теперь слушают музыкантов. Тот, кто играет на гитаре, также и поет. Хрипловатым, неохотным таким голосом. Офицеры улыбаются. Подходит фотограф Сабо. Прижимает меня к стене. Шепчет на ухо:

– Это пленный. Мусульманин. Они заставили его петь сербскую песню.

– Но ведь мусульмане – те же сербы? Разве не так?

– Это песня четников, – шепчет Сабо. – Сербских националистов.

Теперь мне понятно, почему офицеры коварно улыбаются. Как напраказавшие школьники.

– Сними меня с пленным, – говорю я Сабо.

Венгр делает огромные глаза. И не двигается с места.

– Но он же пленный... – выдавливает он. Сабо – фотокорреспондент журнала «НИН»; журнал нельзя сказать чтобы был патриотической ориентации, у нас в России его назвали бы либеральным. Черт с тобой, Сабо, думаю я и иду к пленному. Мне хочется что-нибудь сделать для него. А что? Я беру два стакана с ракией и подхожу. Теоретически я тогда знал, конечно, что мусульмане не пьют, но честно забыл об этом в пылу офицерской пирушки.

– Держи! – говорю я пленному, протягивая стакан. И гордо оглядываю собравшихся за столом. Они смеются. – Держи стакан! Выпей.

– Мне нельзя, – выдавливает он. Глаза его, еще усиленные эффектом недостатка освещения, смотрят на меня с ненавистью. – Мне не позволяет религия, – добавляет он. Я понимаю, что сделал глупость.

Офицеры понимают мой демарш, видимо, по-своему. Подходит Ранко:

– Пей, если рус предлагает! – Голос Ранко звучит мрачно, хотя он веселый здоровяк, выпивоха и большой любитель женщин. Для него гитарист – враг, это для меня он только пленный.

– Не хочет, дьявол с ним! Ему религия не позволяет.

Я отхожу от пленного. Ставлю ему предназначавшийся стакан на стол. Пью и издали наблюдаю за гитаристом. Он играет, поет, но издали наблюдает за мной. Он, по всей вероятности, решил, что я хотел обидеть его религиозные чувства. Видимо, это же решили и сербские офицеры. На деле я просто элементарно сел в лужу. Я, напротив, хотел сделать что-нибудь доброе. Подумал, пусть выпьет парень. Нелегко ведь быть пленным. За двенадцать лет до этого эпизода я уже садился в ту же самую лужу. Дело было в доме моего американского босса в Нью-Йорке. Я подал алкоголь на стол, вокруг которого сидели мой босс и трое шейхов из Арабских Эмиратов. Босс Питер Спрэг пытался тогда испепелить меня взглядом. И вот опять. «Ну идиот! – клял я себя. – Как это я опростоволосился? Как я мог! Пить нужно меньше», – посоветовал я себе. А сербы точно решили, что я попытался унижить мусульманина.

После того как они закончили песню, аккордеонист снял с себя аккордеон и подошел к столу. Ему с готовностью поднесли стакан. Я подошел к гитаристу.

– Извините, – сказал я. – Я не хотел вас обидеть. Я забыл, что мусульмане не употребляют алкоголя.

– Я вас ненавижу, – сказал он. – Ненавижу.

Было ясно, что у него много ненависти к сербам, пленившим его да еще и заставляющим его играть и петь на их пирушках. Но им свою ненависть он выплеснуть не может, потому пользуется случаем и выплескивает на меня. Он уже в двух случаях убедился, что я не стану его преследовать. Тогда, когда я отошел от него со стаканом, не стал заставлять. И сейчас – когда извинился.

– Я тебя ненавижу, русский, – вдруг повторил он эту фразу на моем языке. Только вместо «тебя» сказал «тебе», а так все правильно произнес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.